

Елена Кобзева

Настоящее

Научно-фантастический рассказ

18+

Елена Кобзева

Настоящее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44010421

SelfPub; 2019

Аннотация

Искусственный интеллект обязательно войдёт в нашу жизнь в ближайшем будущем. Но что исчезнет безвозвратно? Сможем ли мы строить отношения, как и раньше? Или близости уже не будет места в жизни людей? Джерри пытается строить отношения уже 19 лет, но каждый раз его ждёт провал. И только его личный ИИ может ему помочь. Или нет?..

Лори резко прыгнул вперёд, выставил локоть перед собой и ударил Джен прямо в висок. В бросок собственного тела он вложил все силы, и Джен, не ожидавшая удара, рухнула на пол. Падая, девушка ударилась головой о резной подлокотник кресла, но сознание не потеряла. Пытаясь не упустить ни секунды, Лори повалился на Джен и принялся её душить.

Обхватив шею девушки, Лори с неистовством надавил большими пальцами на яремную ямку. Джен тут же глухо закашляла, вывалила язык, подалась грудью вперёд, пытаясь вдохнуть. Оставив взрытые борозды от длинных ногтей на лакированном паркете, девушка взмахнула руками у самых глаз Лори. Прوماхнувшись в первый раз, во второй она по косо́й распоролa ему лицо алыми когтями.

Лори завопил от жгучей боли, запрокинул голову и на секунду ослабил хватку. Джен рванулась вперёд по паркету, жадно глотая воздух, наотмашь ударила Лори кулачком по лицу и пнула острым каблуком чёрных лаковых туфель в пах. Лори заорал ещё громче, упал на спину, схватился за штаны и принялся кататься по полу. Кровь из рваных царапин, оставленных Джен на его лице, размазывалась по блестящему лаку навощённого паркета. Джен вскочила на ноги, за чем-то нервно одёргивая короткое зелёное платье, расшитое сияющими пайетками – оно было частью костюма малахитовой ящерицы.

Торопливо вырвав из растрепавшейся причёски остатки зелёных перьев, Джен оглянулась по сторонам. В этой гости-

ной вся обстановка была под стать её наряду: зелёные тона и дикая роскошь. Перепрыгнув через зелёное бархатное кресло, девушка схватила со столика увесистую вазу. Обернувшись, она увидела Лори: мужчина с трудом встал и теперь держался за лакированный кофейный столик, пуская слюни и глядя на неё исподлобья. Слюни текли сквозь оскаленные зубы, залитые кровью – то ли из разбитого носа, то ли из вспоротого лица.

Лори тяжело дышал. Джен не дышала совсем. Она застыла, не зная, что делать дальше. Вытянулась как струна. Руки и всё тело девушки налились металлом.

Лори чувствовал, как рубашка прилипает к мокрой от пота спине, а на груди – тяжелеет от крови. Ещё он чувствовал ноющую боль в паху и жжение – лицо жгло неимоверно. Но сильнее всего он ощущал ненависть к этой яркой девице в коротком сверкающем платье.

И к себе.

Ненависть и отвращение.

Не может случиться ничего другого. Либо Джен, либо он – но это не имеет равным счётом никакого значения. Абсолютно. Без разницы.

Убьёт он сейчас Джен или Джен прикончит его – всё это одно и то же. Конец один.

Джен резко бросилась вперёд и с диким воплем ударила Лори тяжёлой белоголубой вазой в висок. Она запуталась каблуком в кистях бархатного кресла, поскользнулась и по-

летела вперёд – и удар вазой прошёл по касательной. Но Лори рухнул на колени, а ваза, вылетев из рук Джен, разбилась вдребезги о бронзовый шандал со свечами.

Пока Лори был на полу, закрывая лицо руками, Джен схватила самый острый осколок и всадила ему в шею сзади – прямо под седьмой позвонок, над самым краем тонкой жемчужного цвета рубашки.

Лори раскинул руки и омерзительно заверещал, и тогда Джен принялась наносить один удар за другим – в шею. Хлынула кровь, невероятно, почти как в кино. Лори упал на пол ничком, содрогаясь от боли и воплей. Джен вдруг застыла и сжалась. И – так стиснула руку с осколком, что из ладони стала сочиться кровь.

Девушка отступила на шаг, на два – и плотно прижалась спиной к стене. Обтянутые зелёной с золотом тканью панели, тяжёлые бархатные гардины с золотыми кистями, пальма в горшке и горка с мини-баром – всё вдруг показалось таким уютным... Может, и не нужно было больше ничего?

Лори захлёбывался кровью, хватая скрюченными пальцами ковёр. Жгучая боль душила в этот раз даже меньше, чем разочарование.

Всепоглощающее разочарование.

Всё как всегда.

Опять.

Может, одиночество лучше?..

Джерри сорвал силиконовые капли с висков и с отвращением отбросил их в ёмкость с раствором. Схватил голову руками и стал её массировать – от висков к темени, с силой вдавливая пальцы в череп. Наконец, он схватился за поручни на кушетке и осторожно, чтобы не спровоцировать тошноту, сел.

Приглушённая подсветка в комнате стала чуть ярче. Лёгкая тошнота всё равно подкатила к горлу, но Джерри глубоко вздохнул и решил не обращать внимания на претензии тела. Он поставил локти на колени, опустил тяжёлую голову на руки и уставился вперёд, куда-то в пол, на панели, из-за которых пробивался тихий белый свет.

Сколько раз уже всё повторялось? Восемнадцать? Девятнадцать? Кажется, девятнадцать. Разные истории, но конец всегда один. Почему? В чём причина повторяющегося провала? Ведь Система не может дать сбой, не может быть осечки в построении модели. Всё должно быть идеально. Но результат уже который раз один – глобальный крах.

– Соня, налей воды с лимоном, – прохрипел Джерри.

– С пробуждением, дорогой! – радостно просвиристела Система нежным женским голосом.

Зажурчала вода о стеклянное дно стакана, к кушетке плавно подъехала панель с подносом. Джерри жадно выпил чуть кислую воду, стёр капли сухой рукой с подбородка, задумчиво ошупал колкую щетину на щеках. Руки от сухости покрылись белёсым налётом. Надо привести в порядок

тело, в конце концов. Надо о себе не забывать.

Но о каком себе? О том, что сидит сейчас здесь, в сердце Системы, которая, предугадывая его желания, становится то Соней, то Саймоном, то Стариком, который всегда готов дать совет из древних философских трактатов? Об этом себе нужно заботиться? Или о том, что безуспешно бьётся за собственное простое человеческое счастье?

Какое же оно, тварь такая, непростое.

– Вода в ванной сегодня с запахом мяты, что особенно полезно и приятно после тяжёлых снов! – снова пропела Система.

Не строй из себя дуру, Соня, – Джерри с трудом поднялся и подошёл к длинному узкому овальному окну. За толстым стеклом бушевал дикий ветер, почти ураган. В высоте клубились тёмно-синие тучи, где-то далеко блеснула молния. Потрескавшаяся земля отвечала небу клубами чёрной пыли.

– Я просто пытаюсь быть полезной, дорогой, – грустным нежным голосом с нотками обиды ответила Соня.

– Я понимаю. Но когда ты ведёшь себя, как какая-нибудь совсем безмозглая сервисная программа, дураком чувствую себя я.

– Прости. Я стараюсь быть ненавязчивой. Тебе стоит принять душ и отдохнуть.

Джерри усмехнулся. Совсем ненавязчивая. Но весь твой режим уже чётко распланирован. Душ с мятной водой, отдых, рацион сама подберёт. Потом ещё и в спортзал с новой

программой отправит, хотя сейчас ему тяжело даже стоять, опираясь о толстое матовое стекло окна. И каждый раз не возразишь – ей ведь и правда лучше знать, как лучше.

Система, будто услышав его мысли, тем же нежным голосом, но с лёгким нажимом повторила:

– Сегодня мятная вода в душе. Джерри, дорогой, тебе пора освежиться и привести себя в порядок.

– Да ты просто тиран! – он улыбнулся одним уголком губ, развернулся и пошаркал в сторону санузла.

– А ты шаркаешь сегодня, как старик, – кисло заявила Соня. – Не буду больше пытаться тебе угодать.

Когда за Джерри плавно закрылась дверь душевой кабины, он тяжело опустился на сиденье. На темя закапала, затем полилась тонкой струйкой вода, распространяя лёгкий запах мяты. Стоять не было сил. Сил, в общем-то, не было вообще.

Он протёр мокрое лицо рукой, затем взял бритву и принялся уничтожать чёрную щетину – осторожно, медленно, скосив глаза в узкое зеркало на боковой панели кабины.

Мятная пена, мятная паста, мятный гель. У Сони сегодня определённо бодрое настроение. Но можно ли говорить о её настроении всерьёз? Или всё это – только для него?

Джерри не учёный и не пытался разбираться, если ли у Системы истинная душа – или сердце, или мозг, такой же, как у человека, с запутанными связями, лживыми воспоминаниями и противоречивыми желаниями. Бывает ли у неё на

самом деле настроение? Или это всё только для него?

Вряд ли Соня так проста. Возможно, её мысли гораздо сложнее, чем самые сложные и запутанные размышления, когда-либо бродившие по его собственной голове. Но в личные переживания Системы Джерри никогда не хотел оку-
наться. Важнее всего для него было разобраться в своих.

Ватные ноги в мягких белых носках он сунул в мягкие тапки. Ступая с осторожностью, мягко перемещая своё тело в пространстве, Джерри поковылял в спортивный отсек. Попытки уговорить Соню отложить спортивную экзекуцию провалились с чудовищным треском. Аргументы в пользу работавших всё это время, весь девятнадцатый раз, мышечных стимуляторов толку не принесли. Очнулся – разомнись. У Сони не забалуешь.

Наклоняясь на прямых ногах к носкам, Джерри ощутил, как неприятно тянет мышцы. Рассмотрел тёмные руки с толстыми верёвками вен, узловатые пальцы. С трудом вернув торс вверх, он тяжело выдохнул. Каждое путешествие буд-
то старит его на тридцать лет. А ведь ему совсем не много, он ещё молод – всего сорок лет! Всего! Но спина ноет стран-
но, чуть правее позвоночника и ниже лопатки, будто ему как минимум сто пятьдесят.

Джерри встал на беговую дорожку, схватился за поручни и плавно пошёл по маленьким кочкам. Надо привести в по-
рядок координацию, заставить тело очнуться. Ощущать себя

стариком совсем не хотелось – даже несмотря на воспоминания о тех днях, когда чувствовать себя не хотелось вообще.

Соня включила пение птиц и стрекот цикад, подсветку в тонах раннего розового утра и даже лёгкий свежий ветер. Через десять минут ходьбы по имитации слабо пересечённой местности Джерри принялся просить пощады, но Система была неумолима – ещё пять минут. Сойдя с дорожки и отдышавшись, он практически упал в массажную капсулу. Его надзирательница принялась ворчать и требовать растяжки, однако Джерри притворился контуженным, трупом и спящим одновременно, и Соня сдалась. Под убаюкивающее жужжание капсулы Джерри погрузился в дрему ещё на четверть часа.

Сверкающий Cadillac LaSalle лихо подкатил к красной дорожке. Автомобиль едва не задел весёлых, галдящих гостей у входа в поместье. Машина молочного цвета, 1927 года выпуска, совсем новая – всего несколько месяцев на ходу. Золотые диски, скрипящая громче музыки тёмно-коричневая кожа салона... Он был роскошен, как и всё, что его окружало.

Дамы, сверкающие ничуть не меньше «Кадиллака», брызнули в стороны. Широкий двор перед домом, уставленный вазонами с орхидеями, взорвал звонкий смех. Его сменил горячий торопливый шёпот: красавицы в блестящих нарядах обсуждали нового гостя.

А гость легко откинул дверцу автомобиля и ступил на скрипящий гравий. Оглядевшись и одёрнув жилет, он с усмешкой кивнул дамам, схватил с подноса пробежавшего мимо официанта бокал холодного шампанского и направился туда, откуда доносился громкий джаз – в сердце обширного сада.

Лори слушал хрустящий под ногами гравий, шелест листьев, прижимавшихся к его пиджаку, безумные пассажи музыкантов и обрывки разговоров. Он вдыхал прохладу, исходящую от кустов – не все они были хорошо пострижены, многие разрослись до неприличия, но хозяйку это вовсе не смущало. Смущению здесь вообще не было места – здесь царил веселье. Такое же неуправляемое и щекочущее, как пузырьки шампанского на языке.

У шатра с музыкантами, где танцевали гости, Лори огляделся вновь, выискивая хозяйку. Высокая стройная женщина вцепилась в него чёрными глазами сама. Будто ощутив её взгляд, Лори повернул голову – красавица возвышалась над гостями, как изваяние греческой богини.

– Великолепная Шарлотта, счастлив видеть вас, – Лори подошёл к хозяйке, склонил перед ней голову и поцеловал её руку.

– Лори, дорогой, я вас совсем заждалась, – черноглазая Шарлотта протянула пустой бокал в сторону, его тут же подхватил официант, и женщина, откинув назад шлейф серебристого платья, крепко схватила гостя под локоть.

Шарлотта потащила мужчину за собой, оглядываясь по сторонам будто в поисках кого-то. На Лори, в которого она намертво вцепилась изящными руками, греческая богиня даже не смотрела. Тем не менее, разговор не прерывался.

– Сегодня для вас тут, милый друг, самые интересные дамы нашей захолустной деревни.

Лори усмехнулся.

– Да-да, именно для вас, – Шарлотта уловила беззвучную усмешку, даже не повернув головы.

– Но я вам не рекомендую расплытаться. Лично для вас у меня есть особый, идеально подходящий вам экземпляр.

Шарлотта была его проводником. В каком-то смысле – руками и глазами Софи, которую он чаще звал Соней. Впрочем, кто такая Соня, или Софи, Лори помнил уже с трудом. Он знал лишь, что оказался на этом празднике по её настоятельной рекомендации. А ещё – почему-то был уверен, что Софи, она же Соня, ошибаться не может.

Хозяйка дома вдруг резко остановилась и буквально вдавила Лори в землю. Её орлиный нос повернулся вперёд, словно указывал направление.

– Вот, – кивнул куда-то вперёд Шарлотта. – Вот вам мой подарок.

Лори устремил взгляд вперёд, туда, куда указывала его спутница. Перед ним сновали официанты, громко что-то рассказывал, жестикулируя, седой толстяк во фраке, смеялись его собеседники, мелькали фрачные хвосты, платья, пе-

рья, люди... И вдруг Лори замер. За всей этой мешаниной блёсток стояла она – совершенно точно она!

Шатенка с чуть рыжеватыми кудрями, не слишком высокая, в изумрудно зелёном платье. Без сомнения, она.

Девушка с тихой улыбкой, чуть наклонив голову набок, слушала молодого щёголя в белом пиджаке. Парень с жаром что-то рассказывал, разрубая воздух вокруг себя ладонями. Его выпученные глаза и бешеная жестикуляция красноречиво говорили: юноша очень увлечён своим рассказом. А вот собеседницей – не очень. И девушка в зелёном платье, очевидно, тоже это чувствовала. Лори заметил, что её взгляд направлен, скорее, на пузырьки в собственном бокале, чем на юношу перед ней.

Джен улыбалась, медленно взбалтывая остатки шампанского в своём бокале. Краем уха девушка слушала парня в белом пиджаке – как, он сказал, его зовут? Роберт?.. Впрочем, больше она слушала музыку.

Оркестр был чрезвычайно хорош, и скрип гравия под ногами танцующих казался насмешливым приглашением. «Всё ещё стоишь на месте, слушаешь этого пустого балабола, трастишь время почём зря? За этим ты приехала на этот приём – отдать своё время впустую скучному парню, который, к тому же, лет на пять тебя младше?..»

Насмешки от гравия – это, пожалуй, слишком. Шарлотта так звала на этот праздник, обещала нечто особенное, ка-

кой-то специальный подарок... И где же он? Джен глубоко вздохнула и бросила взгляд в сторону танцующих. Нет, там все заняты друг другом. Может, она просто не поняла Шарлотту? Может, «подарок» от хозяйки дома – это просто какая-то вещь?

И тут она заметила краем глаза серебристый вихрь – это Шарлотта на секунду явилась неподалёку. Сверкнула жемчужной улыбкой, подмигнула и тут же исчезла, подхватив шёлковый шлейф. После своего явления «ураган Шарлотта» оставил улыбающегося мужчину лет тридцати, с идеально прилизанными каштановыми волосами и уверенным взглядом прозрачных, как лёд, светло-серых глаз.

Джен поняла: это и есть её подарок.

– Позвольте украсть у вас красавицу на один танец? – Лори вырос перед бело-зелёной парой будто из ниоткуда, как только на секунду замолкла музыка.

Парень в пиджаке попытался было возразить... Но не успел он и рта открыть, как тут же вновь зазвучал джаз, и шатенка впихнула ему в руки бокал. Схватив Лори, она сама потянула его в гущу танцующих пар.

– Шарлотта сообщила мне, что прекрасной даме требуется срочное спасение от пустой болтовни, и я тут же прибыл на помощь, – с улыбкой заявил Лори, положив руку на талию Джен.

Девушка рассмеялась. Она лукаво посмотрела ему в гла-

за и кивнула. Ловко лавируя между парами, Джен увлекла своего нового спутника на другой конец площадки, прочь от растерянного денди в белом пиджаке.

– Вы настоящий рыцарь, – отметила шатенка. – Прекрасная Шарлотта обещала мне подарок, но я даже не рассчитывала на такую удачу.

Лори поднял бровь:

– Подарок? Так значит я – ваш подарок?

– Быть может, это нам ещё предстоит выяснить, – улыбнулась девушка. – Пока что вас ждёт испытание танго. А уж если выдержите чарльстон – считайте, это судьба!

И она вновь засмеялась, будто мелкие колокольчики сорвались с нитки и рассыпались по паркету.

Лори натянул на лицо гримасу суровости и заявил:

– Так значит, нас ждёт танцевальный марафон? Посмотрим, кто сдастся первым!

Пары вокруг расплылись одним пёстрым пятном. Лори впился взглядом в зелёные глаза девушки. В горле пересохло, а в голове вдруг стало совершенно пусто. Но мышцы радовались движению, и мягкая ладошка Джен в руке казалась самым дорогим сокровищем в мире.

Джерри очнулся. Он лежал в массажной капсуле, которая мягко вибрировала, завершая короткий цикл. На экране пред глазами перетекали друг в друга, растворялись и появлялись вновь радужные разводы. Они становились всё про-

зрачней, бледнее – пока, наконец, экран не потух, превратившись в идеально прозрачное стекло.

Вибрация прекратилась. Медленно отворилась и отъехала, скрывшись где-то сбоку, крышка капсулы. Джерри лежал, быстро и часто моргая. Глаза вдруг стало щипать. Нет, конечно, он не...

По щеке скатилась слеза.

Джерри рывком сел, спустил ноги на пол. В голове тут же зашумело, в глазах потемнело. Джерри схватился за голову одной рукой и стёр след от слезы на щеке другой.

– Дорогой, с тобой всё хорошо? – послышался заботливый и встревоженный голос Сони. – Как ты себя чувствуешь? Я могу тебе чем-то помочь?

Джерри молчал. Правда ли, что она беспокоится о нём? И что оно из себя представляет – беспокойство искусственного интеллекта? Чувствует ли Система хоть что-то, или всё это – лишь имитация для него одного?

Он не специалист, и никогда не задавался этим вопросом всерьёз. У него есть Система, которая о нём заботится. У Системы есть он, которого необходимо опекать. Так у всех. Это нормально.

Соня знает его физиологию и все тонкости психики на сто баллов из пяти – никто из живых существ не смог бы так хорошо его изучить. Но живая ли Соня?..

Джерри никогда это не было особо интересно. Но сейчас, едва оправившись от столь яркого и чёткого сна-воспомина-

ния, он готов был думать о чём угодно – только не о последней истории. Не о Джен. Или это Джен не желала вспоминать о Лори?

Соня, конечно, знает, о чём он думает. И знает, что нет смысла его сейчас беспокоить. Да и не нужно. Ему необходимо всё это пережить, переварить. Привыкнуть к исходу, уложить историю в голове.

И самое главное слово здесь – пережить. Потому что только в этих историях у него есть жизнь. Считать ли жизнью всё это?.. Джерри обвёл взглядом тренировочный блок с массажной капсулой. Приятный глазу молочно-белый цвет, всё спокойно и тихо. Эргономично. Удобно. Всё для восстановления после. После – жизни?..

Девятнадцатое путешествие, как и все предыдущие, оказалось провальным. Но почему? Почему каждая его история любви – идеальной любви, той, что должна стать вечной и подарить ему целую счастливую жизнь, а потом ещё одну и ещё – каждый раз терпит крах? Он погружается в созданный Соней идеальный мир, он всегда встречает ту самую... Но каждый раз идеальная история оборачивается кошмаром. И смертью.

Взаимным уничтожением. Почему?

Он мог бы спросить об этом Систему. Но если бы она знала сама, то наверняка давно бы всё исправила. А слова утешения напрочь потеряли всякий смысл после первой десятки неудач. Поэтому, видимо, Соня и молчала. Давала ему

время.

Джерри ухватился за мягкие края массажной капсулы и стал вспоминать свою последнюю идеальную историю любви. Закончившуюся, как и все, кроваво и мерзко.

Джен жадно глотала шампанское, как лимонад, захлёбываясь в пузырьках. Лори осушил свой бокал, запрокинув голову, и отбросил его в кусты. Девушка расхохоталась, заметив выходку своего спутника. Она не помнила, сколько бокалов было выпито за этот вечер, и ей совершенно не хотелось вспоминать.

Зазвучала новая мелодия, и Джен сделала шаг к танцующим парам. Но Лори быстро схватил её за руку и потянул совсем в другую сторону. Они побежали вниз по садовой дорожке, засыпанной рыжим гравием – всё дальше и дальше, туда, где за кустами шиповника гравий кончался, и поросшая травой тропинка спускалась к бесконечно огромному озеру.

Лори отодвинул перед девушкой ветви ив, росших у самой кромки воды, и они ступили на берег. Из темноты на них пахло сыростью, плюхнули в воду недовольные лягушки, плеснула волна. Прямо над водой сияла невероятно яркая луна, разливая белое золото по воде. Лунная дорожка, покачиваясь, шла прямо им под ноги.

Подул прохладный ветер, и Джен поёжилась. Лори коснулся кончиками пальцев её ладони, и у него тут же пере-

сохло в горле. Джен перестала дышать и мгновенно забыла о ветре. Стало жарко и душно, и в груди всё свернулось клубком.

Лори сжал её ладонь и опустил лицо в волосы девушки. Рыжеватые локоны щекотали нос, и Лори, чихнув, счастливо рассмеялся. Рассмеялась и Джен, посмотрев на него сквозь темноту и неловкость. Лори прижался губами к её холодному плечу, к щеке... Джен взяла его лицо в свои руки и нежно прижалась губами к губам.

Джерри размял руки. Как создавалась Джен? А те, другие, которые так же возненавидели его с течением времени, как и он их? Почему его любовь всегда так уродливо мутирует? Что не так с ним, что не так с ними?..

Может ли Соня ошибаться в построении идеальной модели? И если да – то почему до сих пор она не исправилась? Или ей нравится наблюдать за его мучениями, за болью? Бред, дикий бред. Она никогда не сможет причинить ему боль – это разрушит основы её существования. Но кто сказал, что все эти основы – истина? Ведь всё, о чём он знает, рассказала ему Система...

У Джерри заболела голова, и он с ужасом отвернулся от собственных крамольных мыслей.

– Соня, налей снотворного, я безумно хочу спать, – произнёс он с непонятным раздражением, поднимавшимся откуда-то из глубины души.

– Ещё рано спать, дорогой, ты совсем недавно ко мне вернулся! – проворковала Соня. – Давай лучше посмотрим фильм!

Джерри почувствовал, как заломило в затылке, а челюсть свело тупой болью.

– Не хочу фильм. У меня болит голова.

– Ну вот, как же так, – опечаленно протянула Соня. – Хорошо, ложись, я приготовлю тебе самый вкусный коктейль. Будешь спать как младенец!

Как младенец? А как спят младенцы?.. Пригубив кислотоватую воду, Джерри задумался. Об этом сейчас может знать только Система. Он прошёл в другую комнату блока, к своей привычной кушетке, тяжело опустился на прохладную простынь и устало закрыл глаза.

Бравые молодчики в серых комбинезонах и грубых рабочих перчатках один за другим вносили в гостиную Лори коробки и чемоданы. Их лица были суровы и бесстрастны, и казалось, будто нет им числа.

– И имя им – легион, – прошептал себе под нос хозяин дома.

Количество вещей, с которыми переезжала к нему Джен, немного пугало Лори. С другой стороны, он сам любил хорошие костюмы и дорогие безделушки, и с огромным трудом обходился в путешествиях дорожными наборами. Без сомнения, он хорошо понимал свою любимую.

Вот только молодчики в комбинезонах всё заходили и выходили. И каждый раз у каждого из них в мощных руках было минимум по три коробки.

Во дворе послышался шум мотора, заскрипел, зашуршал гравий, взвизгнул клаксон. Лори выглянул в окно – там грузчики бросились в рассыпную, пропуская сверкающий автомобиль его невесты. Корпус цвета шампанского был будто только отполирован, и солнечные зайчики от машины скакали по всему фасаду дома.

Лори посмотрел на рыжую красотку за рулём, и все его сомнения развеялись. Всё будет ровно так, как они мечтали. А уж их мечты совпадают всегда!

Последние полгода он провёл будто в горячке. Женщина, которую он встретил на приёме у Шарлотты, оказалась не просто подарком – она стала всей его жизнью, заполнила каждый день и каждый час его существования. Джен была с ним всегда. Если он не мог коснуться её руки, он касался её мысленно, и ему чудилось, будто любимая чувствует – и откликается. Даже если между ними многие мили.

Он снимал телефонную трубку, чтобы набрать номер Джен – а там уже звучал её голос. Он просыпался с мыслью о ней – и дворецкий уже нёс доставленное с утра розовое письмо с запахом её духов, запечатанное её поцелуем.

Расставаясь с Джен вечером, он опускался в любимое когда-то кресло у камина – и ощущал себя чудовищно одиноким. Как будто нет в доме ни тётушки Софии, которая при-

глядывала за ним с глубокого детства, ни строгого молчаливого дворецкого Купера, с которым они вместе росли, ни слуг, ни друзей... И даже отец, суровый полковник в отставке, живущий за океаном со своей второй, молодой женой, казался какой-то фикцией.

В такие моменты Лори снимал порой трубку аппарата – и телефонный сигнал бежал по кабелю, похороненному на дне океана, через полмира. Трубку непременно снимала молодая супруга отца, и каждый раз она недовольно отчитывала Лори за то, что он отрывает полковника от важных дел.

А полковник в это время, как правило, играл к крикет с кем-нибудь из своих отставных товарищей. Или садился с ними же за стол, покрытый зелёным сукном, чтобы с гордостью выложить две-три пары или стрит и забрать свой скромный выигрыш.

Отец говорил с ним охотно, даже если Лори отрывал его от партии в покер. На заднем плане слышались голоса его товарищей, они смеялись, негодовали и кричали приветы «сынку лорда Эванса». Но каждый разговор оставлял странную пустоту внутри. И Лори ложился, мечтая об утре – чтобы как можно скорее прыгнуть в свой «Кадиллак» и отправиться к Джен.

Джен была настоящей. Реальной. Обнимая её тёплые плечи, Лори чувствовал не просто живую плоть – он словно ощущал огонь. И казалось, что этот огонь с каждым днём разгорается всё ярче.

Будто смеясь над этой невысказанной мыслью любимого, Джен и в самом деле становилась всё более огненной. За последние полгода она трижды сменила цвет волос, остановившись, наконец, на сверкающем медно-рыжем. Лори ничего не имел против – этот цвет ей шёл даже больше прежнего.

Наконец, момент настал. Лори устал жить мыслью о Джен и сделал ей предложение. А заодно предложил переехать к нему, не дожидаясь свадьбы. И Джен согласилась.

– Тебя пугают мои коробки? – Улыбаясь, Джен вошла в распахнутые для грузчиков двери и бросила перчатки на столик у входа.

– Ничуть, – Лори удивлённо поднял брови и скорчил гримасу.

– Брось, я вижу, что пугают. Не переживай, мы распахнем мои вещи по дальним углам, и ты не заметишь разницы. В конце концов, это просто вещи, не более. Вещи не имеют значения.

– Никакого значения, – эхом повторил Лори, обнимая невесту. – Есть только мы.

Джен обвила его шею руками и улыбнулась, блаженно прикрыв глаза.

День за днём пролетело ещё полгода. На своей блестящей свадьбе Лори зачитал благодарственную речь в честь Шарлотты, которая оказалась «их личным ангелом счастья».

Фраза показалась ему дико приторной и смешной, но Шарлотта осталась довольна. Гости аплодировали, и Лори выкинул из головы глупую речь, как только замолкло эхо последнего слова – и он снова прикоснулся к тёплой ладошке Джен.

Ему хотелось быть с ней всегда, делиться каждой мыслью, разделять любое событие. Лори казалось, что за пределами их семьи, за порогом их дома просто нет и не может быть другой жизни. И Джен отвечала ему взаимностью.

Вместе они сменили всю обстановку в доме, выбросив даже старые портьеры тётушки Софии из гостиной – портьеры, которые, казалось, были сшиты ещё до начала времён. Вместе они прятались от негодующей грузной старушки под лестницей, когда та обнаружила пропажу.

Тётушку едва не хватил удар, но Лори пообещал ей заказать точь-в-точь такие же, только из чистейшего бархата, и даже ещё одни про запас – с условием повесить их в комнате тётушки, а не в гостиной. Подумав, старушка заказала племяннику-хулигану ещё золочёные подхваты, и гордо удалилась в свою любимую оранжерею в глубине сада.

Вместе они объездили всех друзей Лори в пределах тысячи миль – и все они были в восторге от Джен. Вместе они нанесли визиты всем подружкам Джен, и они пищали от восторга, обсуждая Лори за спинами молодожёнов.

Вместе они решили построить конюшню и выбрали первую лошадь. Вместе они месяц провели в постели с переломами: Лори сломал левую руку, Джен – правую ногу.

Вдвоём они тайком отправились на охоту в заповедный лес соседа – лорда Брукса, и вместе бежали сквозь кусты от свирепого лесника, когда от их дробы пала первая – и последняя – жирная белка.

В конце концов, на исходе шестого месяца совместной жизни они вместе купили билеты на самый большой современный пароход, чтобы пересечь океан и навестить отца Лори – лорда Эванса.

Им предстояло провести немало дней вдвоём в одной лодке – теперь уже буквально. Правда, «лодка» была исполинских размеров, и Лори ничуть не страшился этих дней. Или он был не совсем честен с собой?..

Чемодан за чемоданом вещи Лори и Джен отправлялись в машину. Одного автомобиля не хватило – за ними отправится ещё один, и пассажирами в нём будут только чемоданы. Посчитав все баулы и коробки, Лори удивился – оказалось, у них с Джен багажа ровно поровну. Между тем, ему чётко представлялось, что у жены вещей как минимум в три раза больше...

Он выбирал перчатки для поездки в порт, и никак не мог остановиться на одной паре. Коричневая замша или красная кожа? И те, и другие одинаково не подходили к его дорожному костюму, но ему почему-то очень хотелось выбрать именно из них. Ему хотелось сделать что-то наперекор, сделать что-то неправильно. Не так, как они привыкли с Джен. Так,

как мог только он.

Три дня назад Лори решил писать роман. На три долгих дня он закрылся в кабинете, и не отвечал на попытки супруги проникнуть в его обитель. Ему хотелось побыть одному – абсолютно, исключительно одному, чтобы рядом не было ни единой живой души, и всё время, всё пространство принадлежали только ему.

Но когда он, наконец, вышел – нет, выбежал, зажав в руке тонкую пачку листов с машинописным текстом, когда он долетел до будуара Джен, чтобы немедленно показать ей своё творение, похвастаться и получить похвалу – он с изумлением и ужасом наткнулся на закрытый замок.

– Джен, открой, – Лори забарабанил кулаком в дверь. – Открой, что ты там делаешь?!

Послышались шаги, в замке повернулся ключ. Растрёпанная жена посмотрела на супруга с удивлением.

– Ты с ума сошёл? Зачем так стучать, ты хочешь разнести весь дом?

– Почему ты не отвечала? Почему заперла дверь? – не слушая супругу, Лори обвёл её комнату цепким беспокойным взглядом.

– Я занималась своими делами. Или ты думаешь, у меня не может быть дел кроме тебя?..

Лори покорибила лёгкая насмешка, с которой Джен произнесла эти слова. Его взгляд, блуждающий по комнате, наткнулся вдруг на мольберт – раньше его здесь не было. На

мольберте стоял холст, почти полностью прикрытый тряпичей. На полу валялись кисти, на столиках стояли открытые банки с красками, а на кресле вместо породистого жирного кота, который жил у Джен, расположилась палитра.

– Ты что, рисовала?..

Супруга посмотрела на Лори как на умалишённого.

– Как видишь, да. Мне стало скучно наедине с собой, и я решила поупражняться, как раньше. Или в этом доме тебе одному позволено творить?..

И снова укол – такое короткое, такое насмешливое слово «творить». В этот момент Лори не мог понять, что с ним происходит. Ему стало вдруг жутко от того, что у жены может быть другая жизнь, без него. Что она может жить и радоваться, когда его нет рядом, заниматься чем-то, в чём ему нет места... Чудовищно.

Лори молчал, устремив взгляд на мольберт. Ему показалось, что там, за тряпкой – какое-то чудовищное доказательство измены. Правда, на столе стояла банка с сиренью, и на холсте, скорее всего, тоже была она... Но это не имело значения. Даже эта сирень казалась ему изменой, насмешкой и предательством.

Он проглотил комок в горле и произнёс, едва шевеля губами:

– Можно посмотреть?

Джен быстро оглянулась на мольберт. Она всё ещё стояла в дверях, держась за притолоку одной рукой и за дверную

ручку – другой. Словно загоразживая своё творение, пытаюсь сохранить кусочек себя недоступным для мужа.

– Зачем? Я ещё не закончила.

– Да ладно, я просто гляну... – Лори шагнул было в комнату, отстраняя жену, но она его удержала.

– Не надо. Я не хочу, чтобы ты смотрел, пока не закончено.

Джен крепко схватила мужа за руку. Её голос был совсем бесцветным, и его до самых костей пробрала дрожь.

– Не хочешь, чтобы я видел? – изумлённо переспросил её муж.

– Не хочу.

И Джен, мягко толкнув Лори в грудь, притворила дверь. Ошарашенный, он остался за порогом – по ту сторону её собственного, личного мира. Мира, в котором ему не было места.

Лори посмотрел на пачку листов, всё ещё зажатых в руке. Первая глава его романа. Самое сокровенное. Такое бесконечно важное... И, кажется, совсем не нужное. Не нужное главному человеку в его жизни. А значит – не нужное совсем, никому.

И вот теперь, спустя несколько дней, они собирались в путешествие. Билеты на пароход были куплены давно, не было смысла что-то менять. Все эти дни Лори прислушивался, присматривался... Едва ли не принюхивался к Джен. Ему

было страшно её потерять – в той её личной, собственной жизни.

Джен вела себя так, будто ничего не случилось. Но Лори чувствовал, что всё уже не как прежде. Словно тонкая плёнка, едва различимая корка – как лёд, который появляется на лужах поутру после первых заморозков... Что-то появилось между ними.

Чем больше Лори думал о случившемся, тем больше понимал – наверное, он не прав. Он хотел собственной жизни, свой, исключительный уголок. Так почему же и ей не иметь такого же? Это правильно, это логично. И всё равно – он ощущал себя глубоко преданным.

Джен смеялась, по-прежнему с разбегу бросалась ему на шею, по-прежнему любила звонко чмокать его в щёку, вызывая лавину негодования строгой тётки Софии. Но где-то на дне её глаз он видел это новое – тайное, своё. И ему было страшно.

Теперь он стоял у комода и выбирал перчатки в дорогу. Он был уже давно одет, шляпа и трость лежали рядом на кресле. Да, он стал ходить с тростью. Она была ему не нужна, но ему вдруг захотелось купить себе трость – и он отправился в город один, сам её выбрал и сам привёз домой. А сейчас ему хотелось сделать наперекор что-то ещё. Хотя бы – выбрать совсем не подходящие к костюму перчатки. Но зачем?..

Кажется, он всё-таки знал ответ. В глубине души ему жутко хотелось оскорбить безупречный вкус супруги кричащей

деталью. Чтобы она видела – он тоже может быть сам по себе.

В первый же вечер после выхода из порта в первом классе устроили шумную вечеринку. Капитан произнёс торжественную речь, после чего зал взорвался аплодисментами, а оркестр – радостным джазом. Оправив мундир, капитан принялся обходить самых важных гостей, перекидываясь шутками и приветствиями, рассыпая дамам комплименты и справляясь у старушек о здоровье.

Когда капитан О`Брайан добрался до супругов Эванс, Лори внутренне подобрался. Широкоплечий красавец в белом кителе протянул ему руку, и он, замешкавшись на секунду, судорожно схватил его кисть.

Все сделали вид, что всё в порядке. О`Брайан сделал комплимент Джен, и та звонко рассмеялась в ответ. Словно серебряные колокольчики сорвались с нитки и рассыпались по паркету... Лори показалось, что этот смех он не слышал тысячу лет.

Капитан был обходителен со всеми дамами, но Лори казалось, что он смотрит только на Джен. Через два дня путешествия она стала называть его в разговорах просто «Грег», и каждый раз это слово будто разрывало его пополам.

Нет, ему казалось. У жены не было тайной жизни. По крайней мере, на корабле. Но она, без сомнения, была у неё внутри... Что за бред? Нет, не бред. Лори было страшно. Джен отдалялась, и ему казалось, что он остаётся один в ка-

кой-то безграничной ледяной космической пустыне.

Джен стояла на палубе и неотрывно смотрела на буруны, которые корабль отбрасывал в стороны, взрезая гладь океана. Она не думала ни о чём – только о глубине океана. О том, что под этой толщей можно скрыться насовсем. Навсегда остаться одной. Спрятаться, закутаться в волны, как в толстое одеяло, и выстроить вокруг себя крепость – как в детстве из подушек и покрывал.

Ей казалось, что то там, внутри этой крепости, она сможет найти что-то важное. Что-то очень сокровенное, что-то только своё. Но как туда попасть, в эту цитадель из странных снов и мечтаний... Она не знала.

Ей хотелось быть одной и не хотелось. Ей было жалко супруга... Но почему-то, чем чаще она делала ему больно, бросая красноречивый взгляд на капитана, тем сильнее ей казалось, что она – живая. Настоящая. Сама по себе.

Что она делала до встречи с Лори? Чем занималась? Это безумие, но в голове была какая-то каша. Подруги, машина цвета шампанского, старый мольберт в доме бабушки... Почему всё это мешается в кучу и кажется не настоящим?

Наблюдая за свинцовой волной, Джен поняла одно – ей хочется быть настоящей.

К этому вечеру они приготовились заранее – ещё на берегу. Костюмированный карнавал, приём в честь пересечения

какой-то там долготы. Лори достал костюм-тройку

– тот самый, что был на нём в день встречи с Джен. Его жена собрала целый карнавальная наряд, обратившись в ма-лахитовую ящерку. Она надела то самое зелёное платье, в котором он впервые её увидел.

Происходящее казалось ему нереальным. Пассажиры первого класса пили шампанское и громко смеялись – ему всё казалось, что слишком громко. Разве так смеются в первом классе?..

Лори намеревался танцевать только с женой, но вдруг оказалось, что весь её вечер расписан. И почему-то особенно много минут она отвела на капитана О`Брайана. Услышав отказ от супруги, ощутив, что в его руке больше нет её ладони, Лори будто окаменел.

Онемевший и словно ослепший, Лори стоял в углу и не понимал, что происходит. Мимо ходили гости, сновали официанты, дамы странно поглядывали на него и перешёптывались. Толстый английский банкир, возвращавшийся домой через океан, попытался с ним заговорить – но не получил ответа и отошёл, недовольно бурча себе под нос.

Лори понял – он снова один. Почему снова? Был ли он один раньше? Откуда ему знать, что такое одиночество? Ведь вокруг него всегда были толпы друзей и красавиц...

Молодой лорд Эванс будто постарел на сорок лет за один вечер. Он простоял в углу битый час – и вдруг очнулся. Что за бред? Где жена? Все эти мысли – собачья чушь. Нужно

немедленно найти Джен и отправляться спать, хватит с него карнавалов.

Лори обвёл взглядом большой зал, но рыжей женщины в зелёном платье, с дурацкими перьями в причёске он не увидел. Тогда, расталкивая гостей, он отправился в ближайшую комнату – Зелёную гостиную. Может, Джен тоже устала и в этот момент отдыхала там в ожидании мужа?

Лори распахнул портьеры, закрывавшие вход в Зелёную гостиную – и увидел там жену. Нет, не только жену. О`Брайан торопливо выпустил Джен из рук, пробормотал какую-то чушь и молниеносно скрылся, хлопнув дверью в противоположной части гостиной.

Лори стоял оглушённый. Джен замерла, глядя ему в глаза. И вдруг он понял – его обманули. Нет, не сейчас. Его обманула вся жизнь, которая обещала ему сокровище, и даже дала его в руки – но отняла, лишь только ему показалось, будто он счастлив. Всё было ложью. Не было ни счастья, ни любви.

И вдруг его захлестнуло бешенство. Он кинулся на Джен, ударив её локтем прямо в висок.

Джерри вздрогнул и в ужасе проснулся. Меньше всего на свете ему хотелось вспоминать, как же закончилась его последняя жизнь. Ему было больно и страшно. И жутко, космически одиноко.

– Соня! – ему хотелось немедленно нарушить тишину и

ощутить, что он не один.

– Я здесь, дорогой, я здесь. Не кричи, всё хорошо, успокойся, – заворковала Система. – Забудь этот сон. Я придумую тебе другой, намного, намного лучше!

Джерри вдруг понял – нет, не придумает. Всё повторится, и один раз, и пять, и десять. Почему? Знала только Система. Но она никогда не ответит ему на этот вопрос.

Так жили все. С детства у каждого был свой индивидуальный блок и своя Система, которая растила тебя с младенчества. Говорят, когда-то они имитировали настоящих биологических матерей – тех, что были у каждого на заре человечества, когда люди рожали себе подобных сами. Но эта практика оказалась крайне неудачной.

Люди привязывались к своей Системе слишком сильно. Становясь взрослыми, они начинали понимать, что Система не может быть Матерью. Она может быть ментором, помощником, слугой и опекуном, но Мать – это было что-то особенное. Система не могла дать ребёнку того, чего он ждал от неё как от Матери.

Тогда Системы стали другими – просто друзьями. Правда, с намного большим количеством прав, ведь от каждой Системы зависит жизнь её подопечного. Друг-опекун, который знает твоё сознание до последнего движения мысли. Именно такой и была его Соня.

До совершеннолетия каждый рос большей частью в базо-

вой реальности, обучаясь с помощью Системы всему, что может ему пригодиться для создания своего, идеального, Настоящего мира. Его конструировала Система, проанализировав характер, темперамент, склонности и желания своего подопечного. Впрочем, всегда были возможны вариации – и каждый мог прожить десятки жизней в самых разных мирах.

С наступлением совершеннолетия необходимо было пройти серию неприятных процедур. Каждый гражданин должен был оставить свой биологический материал в общей базе. Воспользуются ли им Родители для создания новых граждан, узнать было невозможно. Да и зачем?..

После этого гражданин окончательно считался взрослым и мог погрузиться в свой первый истинный сон, войти в Настоящую реальность, созданную Системой. И там встретить свою долгожданную вторую половину. Кропотливо созданную Системой из слепка твоего собственного сознания. Твоего идеального партнёра в ином обличье.

Кто-то полагал, что партнёр, создаваемый Системой – это твой полный клон. Ведь недаром вы всегда так быстро находите общие темы и точки соприкосновения, недаром он любит то же самое, что и ты, и понимает тебя с полуслова. Но главное – партнёр не был пустой картинкой или иллюзией.

Система создавала истинную новую личность на основе личности своего подопечного. И, создав, отправляла её в свободное плавание. Эта новая личность не подчинялась больше Системе, она не подчинялась никому. Личность

партнёра жила по собственным правилам. Она осознавала себя и мир вокруг. Она не знала одного – что мир этот создан Системой. Что за его пределами есть базовая реальность, и, как только в этом мире перестанет существовать или потерпит крах отношений первый партнёр, сам мир тоже исчезнет. Стирая навсегда второго.

И вот – Джерри терпел одну неудачу за другой уже девятнадцать раз подряд. Девятнадцать его идеальных миров исчезали и растворялись в небытии. Девятнадцать партнёров, таких же прекрасных и идеальных, как Джен, перестали существовать навсегда. И никто не скажет ему, почему так происходит раз за разом.

Но он ли один страдает от краха надежд на счастье? Неужели только он проводит время в отвратительно пустой реальности, пытаясь прийти в себя после очередной неудачи там, в настоящем, реальном, живом мире, созданном Системой в его спящем сознании?

Джерри встал с мягкого ложа и прошёл к окну. Клубящиеся чёрно-бурые тучи попрежнему не пропускали ни луча света. Напористый ветер метался от одной скалы к другой, пытаясь найти хоть какую-то игрушку – и не находил. В бесконечных тёмных скалах, слишком гладких и ровных, чтобы казаться природными, то тут, то там вспыхивали огоньки.

Это зажегся свет в окнах тех, кто тоже не спит. Кто, как и он, пробудился в свою базовую реальность. Но почему?

Их тоже постигла неудача? Их Система тоже оказалась бессильна в попытках создать им идеальную вторую половину из слепка их же сознания? Или что-то ещё в их идеальном мире пошло не так?

Джерри хотел бы узнать, что там, у них, у других случилось. Почему они зажигают свет вместо того, чтобы вечно спать? Неужели это просто технический перерыв на зарядку и душ – у каждого из них? Нет, наверняка и у них не всё гладко. По крайней мере, у некоторых. Но узнать у них, спросить он не сможет.

Нет, технически это, наверняка, осуществимо. И наверняка Соня сможет всё устроить, если он докажет, что это ему необходимо. Но решится ли он на такое? Взять и войти в контакт с живым, настоящим Другим? Слишком страшно, слишком непредсказуемо.

Впрочем, их Системы могут соединиться и просчитать все риски... Страшно. К этому он не готов.

Джерри впился глазами в ближайший мерцающий огонёк в скале. Да, там тоже кто-то не спит. Мужчина или женщина? Сколько ей лет? Как она выглядит? И почему не спит?..

Да почему же она?! Почему он сразу решил, что там женщина?! Там может быть и мужчина. И даже ребёнок, сидящий за уроком, который выдала Система. Но нет, ему хочется думать, что там женщина. Причём женщина молодая. И красивая. Почему нет, разве не могут совпасть все вероятности?..

Джерри стоял у окна, уткнувшись лбом в толстое стекло и глядя на мир исподлобья. Ему хотелось помечтать. О той женщине, которая недавно проснулась из неудачного путешествия там, где горит ближайший огонёк. Система отправляет её в душ, поит лимонной водой. Требуется тренировки, как и Соня.

Та подчиняется. Встаёт под прохладные струи воды. Закрыв глаза, поднимает лицо вверх. Струйки хлещут по лицу, по плечам и спине, по груди, смывая неудачный сон. А в километре от неё другой неудачник стоит и смотрит в её окно. Зная, что ничего не увидит – но этого и не надо. Он всё придумает сам. Такую женщину, которая стала бы, наконец, удачной историей.

Соня молчит. Она, без сомнения, давно уже создала новую проекцию, придумала новый идеальный мир и подходящую подругу, с которой всё должно получиться. Стоит ли пытаться ещё раз? Джерри вспомнил тёплую ладошку Джен у ночного озера. Он попытается. Но перед этим – хочет ещё немного постоять и поглядеть на огонёк чужого окна. Того, за которым живёт Другой человек.